

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 564-575, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 821.161.1.09

Social Roles of Prince A.I. Vasilchikov: was it Possible to Combine Russians “Gumption” with “Economic Virtues”?

Alexander Yu. Davidov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation
Russia, 191186, St. Petersburg, Moika River Embankment, 48
Dr (History), professor
E-mail: davydov.au@mail.ru

Abstract

The author defines life's constants of Alexander Illarionovich Vasilchikov (1818-1881) – a prominent public figure, aristocrat, scientist and organizer of the first cooperative union in Russia. The novelty of current research is that the author presents the protagonist in his main social roles – as a farmer and cooperator. It has been proved that by focusing on his estates organization, Vasilchikov realized how dangerous the serious moral defects of Russian peasants were for nation's future (“wastefulness” and “inordinacy”). The attention is paid to how the offended patriotic feeling made the prince and his companions (“vasilchikovs”) to create a nationwide credit-cooperative organization. Their aim was to gradually accustom peasants to domesticity and housekeeping, mutual trust in a common activity. By presenting the results of Vasilchikov's activity analysis, the author tries to define the role of national cooperation as an important method of motivation and work culture development. The actuality of the research is also seen in revealing the leaders' role (A. Vasilchikov and “vasilchikovs”) in acceleration of large-scale creative public processes.

Keywords: Prince Vasilchikov, Vibity estate, zemstvo, “vasilshikovs”, usury, work motivation, savings and loan associations, cooperatives, St. Petersburg Committee department, self-government.

Введение

«Наш народ отличается не хозяйственными домовитыми добродетелями, а находчивостью, смышленостью, всеми добродетелями отважного колониста», - писал князь Александр Илларионович Васильчиков в 1872 г. При этом, указывая на присущие самосознанию русского этноса выраженные кочевнические черты, он отмечал широкое распространение «беспорядочности в домашнем быту», «нерасчетливости в хозяйстве», «разгульности в семейной жизни» [1]. Александр Илларионович не мог не осознавать первостепенной значимости перебарывания этих плохо совместимых с модерностью интенций. Народ нуждался в преодолении стереотипов трудовой и бытовой распущенности, в упрочении привычки к аккуратности и упорядоченности, в выработке потребности в основанной на взаимном доверии созидательной деятельности. Русский интеллигент и аристократ А. Васильчиков попытался помочь соотечественникам достичь всего этого. Он выступил организатором новой прогрессивной формы ведения хозяйства.

Материалы и методы

Жизнь Александра Илларионовича Васильчикова (князя, ставшего старательным сельским хозяином, организатором первого в России кооперативного союза и ученым – обществоведом) была полна ярких фактов и парадоксальных событий. Непросто определить приоритетные жизненные обстоятельства, обосновав их отличие от второстепенных. Сложное дело – представить биографию protagonista в контексте эволюции общественных процессов и социальных тенденций. Разобраться во всем этом поможет внимательное изучение обнаруженных автором в фонде Васильчиковых Российского государственного исторического архива (в Санкт-Петербурге) переписки и дневника

Александра Илларионовича, а также изучение обнародованного в 2000-е гг. дневника сына А. Васильчикова – Бориса. Особо подчеркнем, что мы будем применять биографический метод исследования и руководствоваться принципами историзма и системности.

Обсуждение

Биография и творчество А. Васильчикова не однажды оказывались в центре внимания обществоведов. При жизни князя (в 1878 г.) видные ученые В.И. Герье и Б.Н. Чичерин обрушились на оппонента с жесткой критикой. Преисполненные высокомерия два мэтра отзывались о научных изысканиях автора – аристократа как о «дилетантизме», «княжеской забаве», «оперном маскараде» [2]. Мы имеем дело с явным перебором по части разноса книги Васильчикова. Возможно, нападавших раздражило громкое имя автора – аристократа, возмутили претензии князя – самоучки на глубинное понимание сложнейших социальных вопросов.

С классовых позиций подверг жесткой критике наследие А.И. Васильчикова В.И. Ленин, назвавший его «маленьким либеральным экономистом» и «народничающим помещиком» [3]. До самого конца пятидесятых годов советские авторы в своих трудах не упоминали об Александре Илларионовиче. Затем о нем стали писать, но оценки его деятельности отличали невнятность и противоречивость или же прямая враждебность. Фундаментальная «История русской экономической мысли» (1959 г.) признавала его вклад в изживание «остатков крепостничества» и одновременно осуждала как идеолога помещичьего класса. «Экономическая энциклопедия» (1972 г.) объявляла Васильчикова деятелем либерально – помещичьего направления, а также представителем мелкой буржуазии и апологетом «кабальных феодальных отношений» [4]. Крайне неблагоприятную оценку личности нашего героя давала литературовед Э.Г. Герштейн; в биографической книге о М.Ю. Лермонтове она довольно подробно описывала историю взаимоотношений поэта с Васильчиковым [5]. У исследователей – марксистов аристократ и либерал не вызывал симпатий.

Историографическая ситуация начинает изменяться с переходом к перестройке. Вышла в свет историко-экономическая работа В.Г. Чернухи, в которой содержался положительный отзыв о деятельности протагониста. Автор справедливо отнесла последнего к «крупным и интересным фигурам переломного времени, отразившим в своих сочинениях взгляды современников и активно влиявшим на их формирование» [6]. В постсоветские годы появляются статьи (в том числе и вышедшая из-под пера автора этих строк), целиком или в значительной мере посвященные жизни А. Васильчикова. Они носили обзорный характер. Преимущественно в каждой из них шла речь об отдельных аспектах деятельности Александра Илларионовича – его работе в науке и публицистике, участии в организации народного кредита и кооперации [7]. Были защищены кандидатские диссертации, в которых упоминалось о выдающемся вкладе Васильчикова в разработку вопросов крестьянского землевладения, в развитие местного самоуправления и земской организации, сельской общины, рыночной конъюнктуры; его имя упоминалось даже в контексте изучения истории отечественного туристского потенциала [8].

На исследовании политической концепции князя сосредоточился А.Ю. Старостин. В заслугу Александру Илларионовичу он ставит разработку проблем устройства местного самоуправления. Автор упрекает предшественников в том, что они не продвинулись «дальше изучения отдельных аспектов его (Васильчикова) наследия, в первую очередь связанных с проблемами кооперации» [9]. Отчасти с А.Ю. Старостиным можно согласиться. Между тем до сих пор аргументированно не объяснено, что же было доминантой жизни А.И. Васильчикова – кооперация, публицистика, обществоведение, сельское хозяйство, земская работа. А.Д. Каплин, который написал предисловие к сборнику трудов князя, причислял его главным образом к ученым, мыслителям. Б.И. Подколзин, а также авторы энциклопедической биографической статьи А.А. Ширинянц и В.Н. Васич говорили об «известном земском деятеле»; хотя – как представляется – безоговорочно к такому гласному Новгородского губернского земства (одного из многих и многих гласных) Васильчикова – относить вряд ли стоит [10].

В полном отличии от статей советского времени современные сочинения о Васильчикове нередко относятся к агиографии русской аристократии. Сравним два текста. Э.Г. Герштейн в 1964 г. цитирует мемуары М.Б. Лобанова–Ростовского, приводя наряду с лестными оценками Александра Илларионовича и свидетельства о его «краснобайстве», а также о том, что он был «недалекого ума и малосведующий, как все остальные его родичи». Между тем А.Д. Каплин в 2013 г. убирает негативные суждения, обрывая цитату в том месте, где Лобанов–Ростовский вспоминает о «благородной душе» своего знакомого [11]. Текстологические умолчания применяются в том случае, если текст противоречит авторской концепции.

Упрощенный подход к характеристике деятеля не позволяет определить его подлинный вклад в историю. Более двадцати лет назад и сам автор данной работы в духе постперестроечного времени публиковал статьи, в которых апологетизировалась русская аристократия. Парадигма изменилась, пришла пора от биохроники переходить к интерпретации. Биография по существу представляет сочетание поступков, представлявших результат свободного выбора и при этом детерминированных. В данной работе автор стремился выявить своего рода иерархию приоритетов, определявших

общественную деятельность протагониста. Вместе с тем хотелось бы выяснить, какие традиции дворянской элиты он воспринял, а какие отвергал.

Немалые затруднения вызывает определение места и роли А.И. Васильчикова в общественной жизни нашей страны во второй половине XIX в. Вот примечательный факт. Современный публикатор работ князя В. Ершов ошибочно полагает что, «Васильчиков так бы и остался заурядным провинциальным деятелем, если бы не одно обстоятельство», которым он считает «...многолетние изыскания в области теории местного самоуправления» [12]. Приведем другой выразительный историографический факт. А.Ю. Старостин именует Александра Илларионовича «неординарным мыслителем» и указывает на его «уникальное» место в интеллектуальной истории России. Аргументирован такой вывод следующим образом: «Творчество Васильчикова невозможно четко идентифицировать (в другом месте монографии А.Ю. Старостина сказано о том, что нельзя «однозначно идентифицировать» – А.Д.) ни с одним из существовавших в его время идейно – политических учений». Думается, приписывание протагонисту заслуги создания «весьма оригинальной теории», которую А.Ю. Старостин настоятельно рекомендует транслировать «в современный политологический дискурс», – это преувеличение [13]. То, что не совсем «четко» или «однозначно» похоже на другое, никак не может быть без натяжки отнесено к разряду оригинальных явлений. Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением А.Ю. Старостина о «самостоятельности» жизненного пути А.И. Васильчикова [14]. В целом же, как представляется, в научной литературе Васильчиков в роли ученого – обществоведа затмил Васильчикова в других его ипостасях. Это – неверно. Перейдем к рассказу о жизненном пути протагониста.

Результаты

Важную роль в жизни человека играет его «предбиография», определяемая судьбой предков. Васильчиковы, выходцы из Византии, прибыли на Русь в четырнадцатом веке. Одна из них – Анна Григорьевна стала супругой царя Ивана Грозного. Начало княжеской линии рода положил Илларион Васильевич – отец нашего героя. Он был замечательной личностью, оказавшей на сына Александра весьма противоречивое влияние. Интересно, что в 1815 г. он некоторое время исполнял обязанности коменданта Парижа [15]. Ревностный служака, жесткий (до жестокости) воинский начальник: став командиром гвардейского корпуса, он настолько ужесточил дисциплину, что Семеновский полк взбунтовался. При этом в качестве наказания Илларион Васильевич предлагал произвести децимацию, расстрел каждого десятого семеновца. Во время восстания декабристов молодой генерал уговорил Николая I применить артиллерию и по существу спас самодержца. Он был единственным человеком, которого император называл своим другом: в 1830–е гг. он назначил его председателем Государственного совета и Комитета министров [16]. И.В. Васильчиков считался к тому же специалистом по аграрной проблеме и император ввел его в состав секретного комитета по крестьянскому вопросу («комитет 6 декабря 1826 г.»), во главе которого стоял граф В.П. Кочубей [17]. Примечательно, что старший сын Иллариона Васильевича через три десятилетия посвятит себя реформированию российской сельской жизни. В этом отношении он выступит продолжателем дела отца.

Между тем отношения между И.В. Васильчиковым и его сыном Александром нельзя назвать идиллическими. Возможно, молодого аристократа коробила категоричность суждений отца; возможно, в душе он считал его недалеким человеком. Отец и сын по-разному смотрели на жизнь. Александр Илларионович писал в одной из своих работ о том, что разгром декабристов вызвал «глубокую пустоту в русском обществе, лишившемся в декабристах лучших своих представителей»; в итоге император оказался в окружении «посредственностей» [18]. Волей – неволей к числу последних протагонист относил и отца, входившего в ближайшее императорское окружение.

На первый взгляд, молодой Васильчиков представлялся полной противоположностью отца. Илларион Васильевич славился как сторонник жестких мер в отношении любых проявлений общественного недовольства. Александр Илларионович же с молодых лет принадлежал к разряду людей нового покроя и склонялся к либерализму, вольнодумству. Чиновничье – карьеристскими амбициями не обладал, тем более ему претила канцелярская карьера. И поскольку ему в полной мере была присуща «самостоятельность в своих мнениях», то родителям ничего не оставалось, как нарушить семейную традицию и согласиться с поступлением сына на юридический факультет Петербургского университета. Он – единственный из пяти братьев, не посвятивших себя военной службе [19]. Васильчиков уже в юности отстаивал право идти своим путем, быть оригинальным. Годы, проведенные в университете, немало содействовали закреплению присущих ему лидерских качеств. По воспоминаниям сына Бориса, Александр Илларионович всегда с удовольствием вспоминал о факультетской студенческой корпорации, созданной по немецкому университетскому образцу и признанной начальством. Очень привлекала молодежь атрибутика: эмблемы, рапиры, суды чести и даже дуэли. Васильчиков был избран в «сеньоры» своей корпорации и пользовался популярностью среди студентов. Он обладал презентабельной внешностью, был высок и красив, внешне представительен и обладал замечательными ораторскими способностями. Учился он неплохо, академические занятия занимали в его жизни немало место [20]. Его сокурсник М.Б. Лобанов –

Ростовский, вспоминал, что молодой князь «пользовался властью трибуна в весьма анархической республике своих товарищей, соединившихся в корпорацию по немецкому образцу» [21].

После окончания в 1840 г. университета свежее испеченный кандидат права поступил на государственную службу и перед ним открылась возможность сделать успешную карьеру. Однако, не найдя живого дела в канцеляриях, он заскучал. Несколько кокетничая и следуя моде на байронизм, молодой человек писал тогда сестре Е.И. Лужиной о том, как «в течение полугода предавался тяжело ремеслу светского человека, толкался во всех гостиных и приемных, шаркал по паркетам...» [22]. В духе Байрона и лермонтовского Печорина Васильчиков решает, по собственным словам, «принести в жертву блестящую карьеру», заявляя, что «в этом есть что-то таинственное, сентиментальное и мизантропическое, что мне нравится бесконечно» [23].

По протекции отца сенатор В.П. Ган включил молодого юриста в состав своей миссии, отправившейся на Кавказ для устройства органов управления. Там Александру Илларионовичу доводилось участвовать в опасных экспедициях в отдаленные и глухие районы в целях инспектирования местной администрации. На Кавказе князь подружился с М.Ю. Лермонтовым. Здесь он стал свидетелем нелепой ссоры поэта с Н.С. Мартыновым. Свое участие в роковой дуэли в качестве секунданта гениального поэта и писателя, ужасную смерть его А.И. Васильчиков описал в своих воспоминаниях, помещенных в журнале «Русская старина» (1872 г., кн. 1). Секунданта Михаила Юрьевича предали суду и полгода держали под арестом. Ожидался суровый приговор, но император простил его во «внимание к заслугам отца» [24].

В начале 1840-х гг. по настоянию родителей Александр Илларионович возвратился к столичной службе. Между тем чиновничья карьера молодого Васильчикова по-прежнему не прельщала. Правы исследователи А.А. Ширинянец и В.Н. Васич, утверждавшие: служба «для него по большей части была формальностью. Он всегда больше числился по службе, чем служил» [25]. Сильно тяготился Александр Илларионович порученными ему в 1846 г. обязанностями церемониймейстера двора. Наконец, после смерти своего отца в 1847 г. князь принял решение оставить службу, поселиться в родовом имении Выбити в Старорусском уезде Новгородской губернии. И объяснял это так: «С ранней молодости я почувствовал всю ничтожность канцелярской службы и необходимость узнать быт народа ... в провинции и в деревне, где уныло и мирно течет трудовая жизнь» [26].

Как раз в деревне А.И. Васильчиков нашел свое призвание. Сельское хозяйство оказалось для него главным и любимым занятием. Как мы увидим, большую часть своей жизни он прожил среди крестьян, управляя имениями в разных полосах России. Думается, это обогатило его новыми знаниями, содействовало формированию устойчивой потребности до конца разобраться в состоянии дел в русском селе [27]. Александр Илларионович принадлежал к многочисленной когорте тех дворян, которые глубоко осознавали обязанности общественно-правового характера в отношении своих поместий. Именно к ним вполне применимо следующее парадоксальное суждение известного отечественного историка В.В. Леонтовича: «Законы 19 февраля 1861 г. главным образом направлены были на то, чтобы освободить не крестьян от господ, а, наоборот, возможно скорее избавить господ от крестьян, от всех тех обязанностей, которые выпадали на долю хозяина поместья, населенного крепостными» [28]. Между тем не стоит видеть в представителях такой группы помещиков миссионеров, посвятивших себя целиком исполнению общественного долга. Деревенская жизнь в русской глубинке их по-настоящему увлекала. Например, А. Васильчиков страстно любил охоту, которая в его годы была по существу искусством и организация которой представляла собой сложнейший ритуал.

Таланты сельского хозяина, знатность рода, хорошее образование, опыт государственной службы обеспечили князю в конце 1840-х гг. победу на выборах предводителя дворянства Новгородского уезда, а затем и всей Новгородской губернии. Именно в провинции протагонист реализовал свои амбиции. Напротив, в столице присущие Васильчикову (по утверждению очевидца) «честолюбие и самолюбие» удовлетворены не были [29]. Александр Илларионович мечтал быть администратором – творцом, а не функционером. Он им и стал, заняв пост руководителя одного из важнейших институтов сословной организации. Ему приходилось нередко искать выход из труднейших ситуаций и лавировать между губернскими фракциями и партиями. При этом Александр Илларионович отнюдь не ограничивался интересами и потребностями дворянства. В 1860-е гг. протагонист исполнял обязанности гласного старорусского уездного и новгородского губернского земских собраний [30]. Свои административный опыт и взгляды на общественное устройство князь впоследствии обобщил в научных книгах.

А.И. Васильчиков не уставал заниматься управлением имениями. Вскоре после Крымской войны он женился на красавице Евгении Ивановне Сенявиной и поселился в родовом имении Тауроген в Ковенской губернии. Здесь хозяйствовали сельчане немецкого происхождения, отличавшиеся организованностью и педантизмом. Сравнивая, Александр Илларионович начинал лучше понимать специфику хозяйственного уклада и ментальности русских крестьян. И не мог не сокрушаться по поводу несформированных трудовых навыков последних.

После смерти Е. Сенявиной убитый горем муж с детьми покинул Тауроген и почти безвыездно стал жить в новгородском имении Выбити. Тут то им и был проведен интересный и своеобразный

социально-хозяйственный эксперимент. О нем узнаем из воспоминаний сына А. Васильчикова Бориса. Дело вот в чем. В новгородской губернии в пореформенный период серьезно обострилась проблема рабочей силы. Местные крестьяне, получившие земельные наделы и личную свободу, не очень-то нуждались в дополнительном заработке. Наблюдая, как одно за другим разоряются соседние помещики, А. Васильчиков – по словам сына – «был вынужден пойти на героическую меру» [31]. Эта мера представляется и рискованной. Князь завербовал в Восточной Пруссии, в примыкавшей к Таурогену местности несколько десятков немецких крестьян с семьями и поселил их в своем Выбити. Их трудолюбие и рачительность удивляли местных жителей. Они признавали отдых только по воскресеньям и в течение праздничных двух дней на рождество и пасху, были бережливы и вели трезвый образ жизни; не случайно часть из них возвратилась в 1870-е гг. на родину «со сбережениями». Как отмечает Б.А. Васильчиков, назначенный Александром Илларионовичем управляющий по фамилии Гельцерман «был строг как к самому себе, так и к своим подчиненным и вводил немецкие порядки с несокрушимой методичностью и последовательностью». При этом Александр Илларионович отнюдь не отошел от дел, отдав их в ведение толкового управляющего. Деятельный и неутомимый, он во все вникал сам. По свидетельству сына, «летом неизменно выезжал он в поле верхом на английской лошади и лично руководил полевыми работами» [32].

«Героический эксперимент» увенчался замечательным успехом. Хозяйство организовали на немецкий лад. Ввели так наз. фигурную пахоту (вспашка волнообразной формы, обеспечивавшая сток излишней воды), вырастили выбитское племенное молочное стадо. Сельский хозяин – практик мог быть вполне доволен. Выбити превратилось в небольшую колонию с немецкими речью, школой, пастором, кладбищем. Даже много десятилетий спустя среди выбитских жителей попадались обрусевшие Леопольды, Фрицы, Готлибы. Борис Васильчиков с горечью констатирует, что их обрусение «выражалось главным образом в утрате немецких свойств: прилежности к труду и сравнительной трезвости» [33].

Продолжительное сосредоточение на реформировании крупного помещичьего хозяйства, многолетние размышления над ходом и результатами преобразования имели следствием и перестройку в жизни самого А. Васильчикова. Он утвердился в мнении о том, что причиной бедности отечественной деревни оказался недостаток коллективной ответственности и привычки к систематическому труду у крестьян. Князь окончательно осознал необходимость изменить положение дел. Ущемленное патриотическое чувство и даже обида на соотечественников подтолкнули Александра Илларионовича к действиям. В этой связи крайне упрощенным представляется утверждение современного автора о том, что мотивом, заставившим богатого аристократа обратиться к реформированию русской сельской жизни, стало отвлеченное «общее стремление способствовать повышению материального и духовного благосостояния народа» [34].

Сравнение с немцами – работниками было отнюдь не в пользу русского простонародья. Дельного и патриотично настроенного сельского хозяина это обижало, не давало успокоиться. Вставал вопрос, каким образом перестроить жизнь деревни. Будучи либералом и западником, о радикальных мерах князь не помышлял. Он понимал, что нельзя насадить привычку к дисциплинированному труду, невозможно силой заставить народ отказаться от нерасчетливости в хозяйстве и разгульности в быту. Наконец, Васильчиков обнаружил выход в формировании соответствующей крестьянской трудовой мотивации. Имелось в виду прежде всего «устройство ссудных товариществ, рабочих и производительных артелей со ссудой основного капитала от казны и от земств» [35]. Во главу угла ставилась коллективная материальная заинтересованность. Получаемые А. Васильчиковым из деревень письма не оставляли сомнений в том, что крестьянскую инициативу душит ростовщичество. Во многих случаях именно оно становилось причиной обнищания земледельцев [36]. По мысли князя, образованным классам и правительству следовало сосредоточиться на налаживании сельского кооперативного кредита.

Первый ссудо-сберегательный кооператив в России был образован дворянами братьями С.Ф. и В.Ф. Лугиниными в 1866 г. в Рождественской волости Костромской губернии. Оно действовало на основании утвержденного Государем императором устава и объединило около 400 домохозяев, каждый из которых внес денежный пай. Ответственность пайщиков была коллективной и неограниченной, каждый отвечал за всех. В итоге товарищество действовало успешно и, как сообщал известный специалист по истории и практике кооперации А.В. Меркулов, «мало – помалу сознание выгоды дела стало проникать в крестьянство» [37].

На опыт Лугининых опирался А. Васильчиков. Из бесед с одним из них – Владимиром Федоровичем – он уяснил, что отношения между кооператорами строились на принципе «самопомощи». Князь загорелся идеей распространения среди крестьян устойчивой привычки к коллективной и безусловной материальной ответственности. Александр Илларионович приступил к созданию группы единомышленников. К нач. 1870 г. образовался так называемый «петербургский кружок», в который вошли председатель новгородской губернской земской управы Н.Н. Фирсов, действительный статский советник В.Н. Хитрово, гласный Петербургской городской думы А.В. Яковлев, В.Ф. Лугинин (его брат Святослав, к сожалению, к этому времени умер), председатель Ветлужского уездного земства и известный публицист Н.П. Коллопанов, журналист и ученый Е.В. Де-Роберти, гласный Псковского губернского земства Н.Ф. Фан дер Флит и другие интеллигенты [38].

Названные деятели периодически собирались в доме князя Васильчикова на Литейном проспекте в Петербурге и называть их стали «васильчиковцы». Выдвинутой ими программа организации крестьянского кредита, на первый взгляд, новизной не отличалась. И дело вовсе не в том, что уже действовал кооператив Лугининых. К 1860-м гг. в России открылись тысячи сельских банков и волостных касс. Однако подлинной кооперацией они не стали. Такие банки и кассы включали всех без разбора членов общины той или иной сельской местности. Капитал выделяло государство, оно же и распределяло его поровну между общинниками. Оговаривалось, что ссуды следует возвращать, но этого не происходило и кассы быстро пустели. Кредит превращался во вспомоществование. Государственная опека порождала иждивенчество [39].

Категорически против сложившегося порядка выступили Васильчиков и его «партия». Их программа предполагала введение неограниченной круговой ответственности по долговым обязательствам кооперативов. Членами их имели право быть лишь трудолюбивые и ответственные крестьяне, за которых поручатся общие собрания. Гарантии со стороны последних не могли не привлечь коммерческие структуры, а это стало бы залогом понижения ссудного процента. В итоге объединения сельчан освобождались от государственной опеки и контроля со стороны общины. Они выигрывали за счет трудолюбия, честности, взаимного доверия пайщиков [40]. Подобные кооперативы получили название ссудо-сберегательных. По сравнению со структурами опеки – банками и волостными кассами – они представляли собой органы «самопомощи».

Проект А. Васильчикова вызвал бурные споры. Одни в нем увидели отречение от «священных» основ – общинного, коллективного принципа. Другие предложения «васильчиковцев» именовали «мечтой и небылицей» на том основании, «что немецкая аккуратность не чета русской небрежности, что у нас доверия к лицу, к труду нет и быть не может...» [41]. Приверженцы российской самобытности шли рука об руку с хулителями русской жизни. И те и другие предрекали кооперативному проекту близкий конец. Однако пророчества не сбывались. По инициативе Васильчикова Новгородское земство ассигновало 14 тыс. рублей «для выдачи заимообразно пособий тем ссудным товариществам, которые образуются в течение 1870 года» [42]. Довольно скоро полторы тысячи новгородских крестьян и ремесленников объединились при организационном содействии со стороны членов «Петербургского кружка» в восемь ссудо-сберегательных товариществ. Сам Александр Илларионович на первых порах посвятил себя созданию кооператива в селе Доворицы Старорусского уезда, которое впоследствии успешно работало на протяжении нескольких десятилетий [43].

Как и предполагалось, в состав кооператоров принимались преимущественно добросовестные домохозяева. Ссуды были небольшими: все понимали, что в случае банкротства товарищества каждый крупный кредит привел бы к общему краху. Крестьяне получали в год до 50 руб. (в большинстве случаев меньше) – это стоимость четырех коров или двух рабочих лошадей. Сельские труженики выплачивали 5–7 % годовых, тогда как ростовщики брали от 50 до 200 %. Новгородские шляповалы, пользуясь при покупке шерсти дешевым кредитом, зарабатывали по три рубля в месяц; раньше половину этой прибыли они отдавали бы ростовщику. Кроме того, члены товариществ впервые продали скот и зерно не осенью – за бесценок из-за острой нужды в деньгах для уплаты податей, а в начале года – по высокой цене; выручил кооперативный кредит. Недоимок и случаев принудительного взыскания ссуд не было [44]. При этом никаких особо благоприятных условий для достижения высоких результатов не обнаруживаем. Товарищества располагались, по словам А. Васильчикова, «в глухих местах, отдаленных от рынков и пристаней» [45].

К концу 1870 г. в стране успешно действовали 15 ссудо-сберегательных товариществ. Васильчиков начал хлопотать о создании всероссийской организации для распространения нового дела. На предложение Александра Илларионовича откликнулось Императорское Московское общество сельского хозяйства. В результате при нем образовался Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Поскольку штаб – квартира «васильчиковцев» располагалась в столице империи, то фактически вся работа нового органа сосредоточилась в Санкт-Петербургском отделении. Его первое заседание состоялось 30 декабря 1870 г. в столичном доме князя. Председательствовал Александр Илларионович, авторитет которого для участников собрания не подлежал сомнению [46]. Фактически возник кооперативный союз; именно он скрывался за канцеляризмом – Санкт-Петербургское отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах [47].

На первых порах в призывах к взаимопомощи чиновники министерств государственных имуществ и финансов усмотрели «социализм», а Васильчикова называли «красным». Однако отношение бюрократии начало изменяться после того, как в 1872 г. в ходе посещения московской политехнической выставки министр финансов М.Х. Рейтерн дал высокую оценку деятельности Петербургского отделения. В том году удалось доработать и издать Образцовый устав «низовых кооперативов». В нем в отчетливой форме определялись основополагающие положения, прежде всего неограниченная ответственность учредителей и участников товариществ всем своим имуществом за долги кооперативов, а также всесловность членства в них [48]. «Высочайшее» утверждение устава имело огромное значение в условиях бюрократизированного и централизованного российского государства. Теперь даже появилась мода на кооперацию. Среди ее энтузиастов обнаруживаем губернаторов – сибирского Г. Кознакова, архангельского Н. Качалова.

Работа Петербургского отделения оказалась весьма результативной. Удавалось отстаивать интересы кооперативов в центральных учреждениях. «Васильчиковцы» добились понижения торговых пошлин, взимаемых с товариществ. Помогли им наладить связи с банками, ходатайствуя в необходимых случаях перед Министерством финансов о предоставлении ссуд. Разработали упрощенную систему счетоводства, что было крайне важно ввиду отсутствия в селах бухгалтеров. В доме князя (в 1870-е гг. он поселился на набережной Мойки) кооператоры из разных губерний получали консультации по интересующим их вопросам. О признании общими собраниями товариществ несомненной эффективности всей этой работы свидетельствовали отчисления ими части прибыли в кассу отделения [49]. Бросается в глаза, что на первых порах энтузиазм членов «петербургского кружка» играл решающую роль в распространении народного кредита.

Ежегодно А. Васильчиков выступал на заседаниях Вольного экономического общества с докладами о положении дел в кредитной кооперации. «Князя нельзя назвать блестящим оратором, – сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости», – но изложение его отличается безыскусственностью и простотой, доходящей местами до сухости. Простота здесь находится в прямом соотношении с богатым внутренним содержанием» [50]. Во всяком случае, выступления Васильчикова вызывали споры. Прежде всего, ожесточенной критике подвергалось его требование принимать в ссудо-сберегательные объединения лишь крестьян – середняков, которые в состоянии возвращать ссуды с небольшими процентами. Александра Илларионовича упрекали в «службе кулакам», требовали широко открыть двери товариществ для бедняков. Васильчиков стоял на своем и отвергал уравниловку при строительстве кооперации [51].

Между тем усилия группы новаторов – интеллигентов призваны были завести кооперативную машину, выполнить функцию своеобразного пускового механизма. Не случайно Васильчиков называл ссудо-сберегательные товарищества проводниками благотворного воздействия «образованных классов» на другие слои населения [52]. К середине 1870-х гг. Васильчиков и его соратники наладили работу более 500 ссудо-сберегательных товариществ. Большого тогда удалось добиться только кооператорам Германии; поэтому в 1876 г. на Брюссельской международной выставке Петербургское отделение Комитета о сельских ... товариществах удостоилось серебряной медали. Огромное значение для популяризации прогрессивного начинания имела личная благодарность, которой Александр II удостоил А.И. Васильчикова за работу на поприще кооперации [53].

К началу 1880-х гг. в разных регионах страны насчитывалось около тысячи кредитных товариществ, объединивших 200 тыс. домохозяйств. Включились механизмы кооперативной самоорганизации, энтузиастическая функция «петербургского кружка» имела все меньшее значение. Некоторые народные объединения существовали благодаря вспомоществованиям и ссудам. Зато другие завоевали доверие населения и банков, действовали за счет выгодных кредитов [54]. Навыки совместной и доверительной работы россияне усваивали последовательно, хотя и не быстро.

А. Васильчиков и его соратники тяжело переживали убийство императора Александра II, понимая, что с надеждами на скорое развитие кооперации и местного самоуправления приходилось окончательно расстаться. Умер Александр Илларионович в октябре 1881 г. и был похоронен в своем Выбиту. Примечательно, что после его смерти последователи собрали по подписке деньги, составившие «Капитал имени А.И. Васильчикова»; из него выдавались премии авторам лучших научных сочинений в области кооперации и сельского хозяйства [55]. В частности и в этом выражалась неразрывность кооперативной традиции.

Мы подробно рассказали о двух социальных ролях князя А. Васильчикова – сельского хозяина и организатора первого в России союза кооперативных товариществ. Теперь перейдем к третьей социальной роли – Васильчиков – ученый [56]. Вернемся к воспоминаниям Б.А. Васильчикова, отмечавшего, что в имени Выбита его отец «всегда вставал рано, сам себе заваривал кофе и пользовался утренней тишиной для своих (научных – А.Д.) занятий». А затем, по словам мемуариста, отправлялся руководить полевыми работами [57].

Подтолкнуло князя к написанию трудов осознание несоответствия между, с одной стороны, накапливаемыми им знаниями о крестьянской повседневности, и, с другой стороны, широко распространившимися среди публики сведениями. По уверению Александра Илларионовича, его до глубины души возмущало проникновение в общество «пессимистического настроения, представлявшего наше хозяйственное положение в самом мрачном, почти безнадежном виде». Причиной, полагал Васильчиков, стало то, что интеллигенты мало знают «о предмете, о котором так много и так самоуверенно рассуждают», то есть о жизни деревни [58]. Сановники, репортеры, писатели, юноши – социалисты делали скоропалительные выводы, не имея ясного представления о народной повседневности. В данной связи князь считал крайне важным поделиться своими знаниями. Как видим, и к занятиям наукой его поощрила сельскохозяйственная практика.

В конце 1860-х и в 1870-е гг. князь написал и опубликовал объемистые научные книги: «О самоуправлении», «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах», «Сельский быт и сельское хозяйство в России». Изыскания А. Васильчикова в области исторической и юридической наук не были самостоятельными. Автор отмечал, что руководством ему служили сочинения К.А. Неволлина, Ю.Ф. Самарина, К.Д. Кавелина. Широко использовались работы

А.Д. Градовского («История местного управления»), И.Д. Беляева («Крестьяне на Руси»). Васильчиков признавался, что он так много позаимствовал из их трудов, что «должен извиниться в таком заимствовании» [59]. При этом Александр Илларионович рассматривал свои работы как первый подступ к исследованию русских реалий и представлял свой «обзор ... некоторым руководством для других, более точных и обдуманых изысканий» [60].

Включившись в дискуссию между славянофилами и западниками, автор встал на сторону первых. По мнению некоторых исследователей, его взгляды отразили «самобытную тенденцию в русском либерализме» [61]. Обосновывая самобытность России, Александр Илларионович указывал на свойственную крестьянскому 60–миллионному сословию слабость понятий о собственности и наследстве, которая и обусловила прочность «животворного начала равного и плодотворного землевладения» [62]. Думается, в ряде случаев теоретические построения Александра Илларионовича противоречили его практической деятельности помещика и кооператора.

Князь отнюдь не ограничился умозрительными рассуждениями. В тех случаях, когда его предложения основывались на хозяйственном опыте и доскональном понимании деревенской жизни, их отличала несомненная практичность и актуальность. Васильчикова неизменно смущало то, что нередко русские общинники «не уважают никакой собственности, ни своей, ни чужой, и по неряшеству широкой славянской природы не берегут ни своего имущества, ни соседского» [63]. Поэтому он настоятельно предлагал развивать народное образование и – главное – расширять местное всесословное самоуправление. Важным элементом последнего должно было стать налаживание общедоступного кооперативного кредита, призванного приучать крестьян к изживанию «неряшества», преодолению распушенности.

Князь сформулировал и обосновал настоятельное требование реформирования статистического дела в России, пороки которого в правительственных кругах и в интеллигенции породили «предумышленное ослепление» и много «фальшивых понятий». Статистика строилась на опросах сельских хозяев, заинтересованных в сокрытии сведений о своих урожаях. «Пишутся разные ведомости наобум, как попало, полуграмотными писарями», таблицы наполняются «произвольными, а отчасти и вымышленными цифрами» - негодовал Александр Илларионович. Опасность состояла в том, что из неправильных сведений «выводятся крупные итоги», правительство судит о народном хозяйстве. Полную перестройку статистических учреждений Васильчиков относил к разряду «первых и самых нужных дел» [64]. Прежде всего, следовало хорошо узнать народ, которым «образованные классы» и правительство собирались руководить.

Заключение

Вернемся к самому важному делу в жизни протагониста. Как мы помним, успешный сельский хозяин А.И. Васильчиков больше всего мечтал о преодолении российским простонародьем «нерасчетливости» и «разгульности», уповая при этом на продвижение «домовитых хозяйственных добродетелей». Вопреки не верившим в народ скептикам, Александр Илларионович обнаружил алгоритм достижения цели. Направление движения оказалось совершенно правильным, хотя это стало ясно далеко не сразу. После трагической гибели Александра II в связи с изменением правительственного курса довольно скоро прошла и мода на кооперативы. Одно за другим разорялись нежизнеспособные товарищества, замедлились и темпы образования новых. Однако испытания пошли на пользу кооперации. Опубликовавший в нач. 1890-х гг. первое основательное статистическое исследование кредитной кооперации Н.О. Осипов и проделавший такую же работу десять лет спустя С.Н. Прокопович пришли к выводу, что ссудо–сберегательные товарищества представляли устойчивые и перспективные структуры [65]. Думается, те 1550 кредитных кооперативов, которые работали в России в кон. XIX в., можно отнести к числу «здоровых». Их плодотворная деятельность и подготовила почву для стремительного роста российской кооперации в первые полтора десятилетия XX в. (к началу Первой мировой войны в России насчитывалось уже 13 тыс. кредитных товариществ и 27 тыс. кооперативов других типов) [66]. Между тем направление движения кооперации и ее общественное значение определил А.И. Васильчиков. Он успешно сыграл свою главную социальную роль, создал эффективный общественный институт – кооперацию, учившую россиян хозяйственности и ответственности.

Примечания:

1. Васильчиков А.И. О самоуправлении // Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление. М., 2013. С. 334, 335.
2. Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор книги князя А. Васильчикова «Землевладение и земледелие». М., 1878. С. 95.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 1. М. 1967. С. 471; Т. 3. М., 1971. С. 731.
4. История русской экономической мысли. Т. 2. Ч. 1. М., 1959. С. 72, 85; Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. М., 1972. С. 224.
5. Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964.
6. Чернуха В.Г. Неизвестное публицистическое произведение А.И. Васильчикова // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л., 1985. С. 202.

7. Подколзин Б.И. «Народный кредит»: страница отечественного опыта // Отечественная история, 1993, № 6; Давыдов А. Князь – кооператор // Уральский следопыт, 1992, № 5 – 6; Давыдов А.Ю. Князь – кооператор А.И. Васильчиков // Вопросы истории, 1993, № 4; Каплин А.Д. Предисловие // Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление. М., 2013.
8. См., напр.,: Мальцева М.В. Местное самоуправление и развитие туристского потенциала города (идеологический аспект): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 5.
9. Старостин А.Ю. А.И. Васильчиков. (1818 – 1981): политические идеи и концепции. М., 2003. С. 14.
10. Ширинянц А.А., Васич В.Н. А.И. Васильчиков // Политическая мысль в России. Словарь персоналий (XI в. -1917 г.). М., 2001. С. 40.
11. Герштейн Э. Указ. соч. С. 138; Каплин А.Д. Указ. соч. С. 7.
12. Ершов В. Александр Илларионович Васильчиков // Российская провинция. 1993. Сентябрь. С. 65.
13. Старостин А.Ю. Указ. соч. С. 30, 121, 125.
14. Там же. С. 30.
15. Русская провинция. 1993. Сентябрь. С. 65.
16. Дворянская семья. СПб., 2004. С. 32 – 35.; Чернуха В.Г. Указ. Соч. С. 202.
17. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914. М., 1995. С. 142.
18. См.: Чернуха В.Г. Указ. Соч. С. 209.
19. Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий России. СПб., 2000. С. 34, 35; Васильчиков Борис. Воспоминания. Псков, 2003. С. 11.
20. Васильчиков Борис. Указ. соч. С. 12.
21. Каплин А.Д. Указ. соч. С. 7.
22. Герштейн Э. Указ. соч. С. 250.
23. Там же.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 651. Оп.1. Д. 564. Лист 10б.
25. Ширинянц А.А., Васич В.Н. Указ. соч. С. 40.
26. Каплин А.Д. Указ. соч. С. 11.
27. Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России // Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление. М., 2013. С. 799.
28. Леонтович В.В. Указ. соч. С. 147.
29. Герштейн Э. Указ. Соч. С.245, 250.
30. Васильчиков Борис. Указ. соч. С. 237.
31. Там же. С. 43.
32. Там же. С. 20.
33. Там же. С. 44.
34. Подколзин Б.И. Указ. соч. С. 164.
35. Васильчиков А.И. О самоуправлении. С. 301.
36. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 634. Листы 1, 2.
37. Хейсин М. Исторический очерк кооперации. Пг., 1918. С. 51; Кулыжный А.Е. Очерки по сельскохозяйственной и кредитной кооперации. Статьи, доклады, заметки. Пг., 1918. С. 174; Меркулов А.В. Братья Лугинины, пионеры кредитной кооперации и первый кредитный кооператив в России. М., 1918. С. 21, 22, 26.
38. Васильчиков А. Ссудо-сберегательные товарищества в России // Русские общественные вопросы. Сборник «Недели». СПб., 1872. с. 306, 307; Подколзин Б.И. Указ. соч. С. 163, 164.
39. Подколзин Б.И. Указ. соч. С. 166.
40. Заседания Петербургского собрания сельских хозяев. № 1. 27 января 1870 г. С. 1, 2; РГИА. Фонд 651. Описание 3. Дело 788. Листы 7, 8.
41. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 788. Лист 5 об.
42. Фирсов Н. О ссудных товариществах в Новгородской губернии. СПб., 1871. С. 1.
43. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 792. Листы 1 об., 3 об.; Книжки Вестника мелкого кредита, 1915. № 6. С. 46.
44. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 788. Листы 1 об., 3, 6, 6 об., 7; Фирсов Н. Указ. соч. С. 5, 6.
45. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 788. Лист 11.
46. Сельские ссудо-сберегательные товарищества (образцовый устав с необходимыми объяснениями). СПб., 1872. С. 15; РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 788. Листы 1, 10б., 3, 6, 7.
47. В своей статье, опубликованной в 1993 г. в ж. «Вопросы истории», автор допустил ошибку, отнеся первое заседание к 30 декабря 1871 г. См.: Вопросы истории, 1993, № 8. С. 138.
48. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 634. Лист 1; Сельские ссудо-сберегательные товарищества (образцовый устав...)... С. 15; Двадцатипятилетие С.-Петербургского отделения Комитета. СПб., 1887. С. 10.
49. Сельские ссудо-сберегательные товарищества ... С. 4; Вестник кооперации. 1909. № 2. С. 71; Соколовский П. Ссудо-сберегательные товарищества в России по отзывам литературы. СПб., 1889.

- С. 196; Отчет С.-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. СПб., 1887. С. 17.
50. Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 29 июня.
51. Вестник кооперации. 1915. № 8. С. 49, 50; Кооперативная жизнь. 1915. № 19 – 20. С. 218; Отечественные записки. 1877. № 8. С. 252-264; № 9. С. 1-50.
52. Письмо министру народного просвещения графу Толстому от князя А. Васильчикова. Берлин. 1875. С. 33.
53. Пажитнов К.А. Первый год существования Петроградского кооперативного института. Пг., 1918. С. 13; Вестник кооперации. 1915. № 8. С. 48.
54. РГИА. Фонд 651. Описание 1. Дело 639. Листы 2, 3; Дело 786. Лист 1 об.; Дело 790. Листы 10, 11об., 14, 14 об.;
55. Вестник кооперации. 1915. № 8. С. 58.
56. Характеристика будет краткой, ибо вышли в свет труды, в которых акцент сделан на научной работе А.И. Васильчикова. Выше о таких упоминалось. Подчеркнем, что автор этих строк лишь не согласен с преувеличением значения научной деятельности князя; не разделяет и мнения о приоритетной роли ученых занятий в жизни самого Александра Илларионовича. А. Васильчиков все-таки практик, а не теоретик.
57. Васильчиков Борис. Указ. соч. С. 20.
58. Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России // Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление. С. 814, 816.
59. Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских странах // Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление. С. 347.
60. Васильчиков А. О самоуправлении. С. 43.
61. Молчанов Д.В. Российский либерализм 60 – 70-х годов XIX в. о формировании социальной базы модернизации. М., 2000. С. 106.
62. Васильчиков А. Землевладение и земледелие... С. 323, 325, 329, 334, 340.
63. Он же. О самоуправлении. С. 121.
64. Там же. С. 802, 804, 807.
65. См.: Подколзин Б.И. Указ. соч. С. 170.
66. Вестник кооперации. 1917. № 1. С. 18.

References:

- Vasilchikov A.I. Self-government // Prince Alexander Vasilchikov. Russian self-government. M., 2013. P. 334, 335.
- Guerrier V.I., Chicherin B.N. Russian dilettantism and communal land tenure. Analyzing "Land tenure and agriculture" by A. Vasilchikov. M., 1878. P. 95.
- Lenin V.I. Collected works. Ed. 5 V. 1 M. 1967 P.471; V.3 M., 1971. P. 731.
- The history of Russian economic thought. V. 2. Part 1. M., 1959. P. 72, 85; Economic Encyclopedia. The Political Economy. V. 1. M., 1972. P. 224.
- Gerstein E. Lermontov's fate. M., 1964. The second edition with the same title was published in 1986.
- Chernuha V.G. Unknown nonfiction by A.I. Vasilchikov // Auxiliary historical disciplines. V. XVI. L., 1985. P. 202.
- Podkolzin B.I. "People's credit": domestic experience // National History, 1993, № 6; Davydov A. Prince - cooperator // Ural Sledopyt, 1992, № 5 - 6; Davydov A.Y. A.I. Vasilchikov, Prince-cooperator // Questions of History, 1993, № 4; Caplin A.D. Preface // Prince Alexander Vasilchikov. Russian self-government. M., 2013.
- See. Eg. : Maltseva M.V. Local self-government and the development of the tourist potential of the city (the ideological aspect): Abstract. ... Cand. Hist. Sciences. M., 2003. P. 5.
- Starostin A.Y. A.I. Vasilchikov. (1818 - 1881): the political ideas and concepts. M., 2003. P. 14.
- Shirinyants A.A., Vasich V.N. A.I. Vasilchikov // Political thought in Russia. Dictionary of personalities (XI. - 1917). M., 2001. P. 40.
- Gerstein E. Op. cit. 138; Caplin A.D. Decree. Op. cit. P. 7.
- Yershov V. Alexander Illarionovich Vasilchikov // Russian province. September 1993. P. 65.
- Starostin A.Y. Op. cit. P. 30, 121, 125.
- Ibid. P. 30.
- Russian province. September 1993. P. 65.
- Noble family. St.-Petersburg, 2004. P. 32 - 35; Chernuha V.G. Op. cit. P. 202.
- Leontovich V.V. The history of liberalism in Russia. 1762 - 1914. M., 1995. P. 142.
- See: Chernuha V.G. Op. cit. P. 209.
- Noble family. From the history of Russian noble families. St.-Petersburg., 2000. P. 34, 35; Vasilchikov Boris. Memories. Pskov, 2003. P. 11.
- Vasilchikov Boris. Op. cit. P. 12.
- Caplin A.D. Op. cit. P. 7.

22. Gerstein E. Op. cit. P. 250
23. Ibid.
24. M.Y. Lermontov in the memoirs of contemporaries. M., 1964. P. 254; Russian State Historical Archives (RSHA). Fund 651. Op.1. D. 564. Sheet 10b.
25. Shirinyants A.A., Vasich V.N. Op. cit. P. 40.
26. Caplin A.D. Op.cit. P. 11.
27. Vasilchikov A. Rural life and agriculture in Russia // Prince Alexander Vasilchikov. Russian self-government. M., 2013. P. 799.
28. Leontovich V.V. Op. cit. P. 147.
29. Gerstein E. Op.cit. P. 245, 250.
30. Caplin A.D. Op.cit. P. 10.
31. Vasilchikov Boris. Op. cit. P. 43.
32. Ibid. P. 20.
33. Ibid. P. 44.
34. Podkolzin B.I. Op. cit. P. 164.
35. Vasilchikov A.I. About self-government. P. 301.
36. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 634. Sheets 1, 2.
37. Kheysin M. Historical Review of cooperation. Pg., 1918. P. 51; Kulyzhny A.E. Essays on agricultural and credit cooperation. Articles, reports, notes. Pg., 1918. P. 174; Merkulov A.V. Luginin Brothers, pioneers of credit cooperation and the first credit cooperative in Russia. M., 1918. P. 21, 22, 26.
38. Vasilchikov A. Savings and loan associations in Russia // Russian social issues. "Nedeli" collection. SPb., 1872. P. 306, 307; Podkolzin B.I. Op.cit. P. 163, 164.
39. Podkolzin B.I. Op.cit. P. 166.
40. Conference of the St. Petersburg farmers meeting. № 1. 27 January, 1870. P. 1, 2; RSHA. Fund 651. Inventory 3. Case 788. Sheets 7, 8.
41. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 788. Sheet 50b.
42. Firsov N. On loan associations in the Novgorod province. SPb., 1871. P. 1.
43. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 792. Sheets 10b., 30b.; Books of small loans bulletin, 1915. № 6. P. 46.
44. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 788. Sheets 10b., 3, 6 rev., 7; Firsov N. Op. cit. P. 5, 6.
45. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 788. Sheet 11.
46. The rural savings and loan associations (model statute with necessary explanations). SPb., 1872. P. 15; RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 788. Sheets 1, 10b., 3, 6, 7.
47. In the article published in 1993 in "Questions of History" mag., the author by mistake referred the first meeting to December 30, 1871. See.: Questions of History, 1993, № 8. P. 138.
48. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 634. Sheet 1; The rural savings and loan associations (model statute...)... P. 15; Twenty-fifth anniversary of the St. Petersburg Committee department. SPb., 1887. P. 10.
49. The rural savings and loan associations ... P. 4; Cooperation bulletin. 1909. № 2. P. 71; Sokolovsky P. Savings and loan associations in Russian in literature reviews. SPb., 1889. P. 196; Report of the St. Petersburg Committee department on the rural savings and loan and industrial associations. SPb., 1887. P. 17.
50. St. Petersburg Vedomosti. 1872. June 29.
51. Cooperation bulletin. 1915. № 8. P. 49, 50; Cooperative life. 1915. № 19 - 20. P. 218; Domestic Notes. 1877. № 8. P. 252 - 264; № 9. P. 1 - 50.
52. Letter from Prince A. Vasilchikov to the Minister of Education, Count Tolstoy. Berlin. 1875. P. 33.
53. Pajitnov K.A. The first year of the Petrograd Cooperative Institute. Pg., 1918. P. 13; Cooperation bulletin. 1915. № 8. P. 48.
54. RSHA. Fund 651. Inventory 1. Case 639. Sheets 2, 3; Case 786. Sheet 10b.; Case 790. Sheets 10, 110b., 14, 140b.
55. Cooperation bulletin. 1915. № 8. P. 58.
56. The characteristics will be brief, because in recently published works the emphasis is placed on the scientific activity of A.I. Vasilchikov. Such are mentioned above. The author emphasizes that he just disagrees with the exaggerated importance of prince's scientific activity; and does not share the views about the priority role of Vasilchikov's scientific work. A. Vasilchikov was more a practician than a theorist.
57. Vasilchikov Boris. Op.cit. P. 20.
58. Vasilchikov A. Rural life and agriculture in Russia // Prince Alexander Vasilchikov. Russian self-government. P. 814, 816.
59. Vasilchikov A. Land tenure and agriculture in Russia and other European countries // Prince Alexander Vasilchikov. Russian self-government. P. 347.
60. Vasilchikov A. Self-government. P. 43.
61. Molchanov D.V. Russian liberalism of 60s–70s XIX century. About the social base of modernization formation. M., 2000. P. 106.
62. Vasilchikov A. Land tenure and agriculture ... P. 323, 325, 329, 334, 340.
63. Vasilchikov A. Self-government. P. 121.

64. Ibid. P. 802, 804, 807.

65. See: Podkolzin B.I. Op.cit. P. 170.

66. Cooperation bulletin. 1917. № 1. P. 18.

УДК 821.161.1.09

**Социальные роли князя А.И. Васильчикова: удавалось ли соединить
«смышленость» россиян с «хозяйственными добродетелями»?**

Александр Юрьевич Давыдов

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Российская Федерация

191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: davydov.au@mail.ru

Аннотация. Автор определяет константы жизни аристократа, видного общественного деятеля, организатора первого в России кооперативного союза и ученого Александра Илларионовича Васильчикова (годы жизни 1818–1881). Новизна исследования видится в том, что протагонист представлен в его главных социальных ролях – сельского хозяина и кооператора. Доказано, что сосредоточение на организации своих имений позволило князю осознать, какую опасность для народного будущего представляют серьезные изъяны трудовой морали отечественных крестьян – «беспорядочность», «нерасчетливость». Уделяется внимание тому, как оскорбленное патриотическое чувство стало сильным мотивом к созданию князем и его соратниками («васильчиковцами») общероссийской кредитно-кооперативной организации. Она призвана была постепенно приучать сельчан к хозяйственности и домовитости, взаимному доверию в ходе ведения общего дела. Представляя результаты анализа разных сфер деятельности А.И. Васильчикова, автор пытается определить роль отечественной кооперации как важного метода развития мотивации и культуры труда. Актуальность исследования обусловлена и выявлением места лидеров (А. Васильчикова и его товарищей) в ускорении масштабных созидательных общественных процессов.

Ключевые слова: князь Васильчиков; имение Выбити; земство; «васильчиковцы»; ростовщичество; трудовая мотивация; ссудо-сберегательные товарищества; кооперативы; Санкт-Петербургское отделение Комитета; самоуправление.